

Тахир Малик

СВЯТАЯ НОЧЬ

Повесть

*Если в двадцать седьмую ночь месяца
рамазана кого-нибудь коснется священная
тросточка, исполнятся любые его желания.
Из рассказов моей бабушки*

Когда утреннее солнце поднялось из-за горизонта, всю окрестность словно бы залило жидким огнем - лучи светила горели на тысячах недвижных фигур, сама земля мертвого города и его руины, также покрывшиеся золотистым налетом, нестерпимо сияли. Только один предмет во всей окрестности выделялся в этом море солнечного огня - темное яйцевидное сооружение с выступавшими в нижней части его тонкими отростками, похожими на лапки кузнечика.

К полудню на боковой поверхности "яйца" обозначилось прямоугольное отверстие, и вскоре из него один за другим появились двое. Они были очень похожи на людей, однако намного выше и крупнее обычного человека. Полупрозрачные колпаки у них на головах излучали ослепительный свет. Сделав несколько шагов, тот, кто шел первым, остановился и заговорил:

- Кив, кажется, мы ошиблись в расчетах. Грунт на месте посадки должен быть не столь твердым, а примерно таким, как у нас на Унете.

- Да, - оглядываясь вокруг, ответил Кив, - и цвет местности совсем другой, чем он казался из космоса. Почему все кругом желтое? Когда мы вели наблюдение с Унета, эта планета излучала тускло-голубой свет. Может быть, таково воздействие атмосферы? Если вся поверхность суши желтая, то предположение Рэка окажется правильным. В таком случае приемлемую для унетян планету придется искать возле других звезд.

Они зашагали быстрее. В окружности нескольких десятков метров от места приземления "яйца" не осталось и следа растительности. Поваленные деревья стали попадаться пришельцам на значительном удалении от корабля. Кив остановился возле гигантской чинары, отливавшей желтым металлическим блеском.

- Ниг, взгляни, тебе это ничего не напоминает? - обратился он к спутнику.

Ниг приблизился к чинаре, постучал по ее стволу длинной тонкой трубкой с утолщением на конце.

- Странная форма. Если бы это был не минерал, я бы сказал, что он напоминает мне... Посмотри кругом, да ведь таких камней очень много!

Они пробирались среди руин. Увидев человеческую фигуру с воздетыми к небесам руками, Кив резко остановился, словно споткнувшись.

- Ведь это наше изображение в камне! - воскликнул он.

Ниг с трубкой в руке приблизился к изваянию. Прикоснувшись инструментом к одному из тонких пальцев статуи, он осторожно отделил его и, положив себе на ладонь, провел по нему серебристым обручем. Палец раскрошился словно глиняный.

- Мы не ошиблись, Кив. Здесь была жизнь. Это памятники умершей цивилизации - обитатели планеты, возможно, хотели сохранить для будущего свой облик...

- Что ж, может быть, в твоих словах есть доля правды. А если жизнь не угасла?.. Не приземлились ли мы в месте, где жители этой земли чтут предков? Ведь у нас на Унете

существовал в древности обычай увековечивать памятными знаками такие места.

- Во всяком случае, надо прихватить с собой несколько таких изваяний...

На пятый день погонщики купеческого каравана, следовавшего в столицу, подобрали одного из тех, кто по велению султана отправился в погибший город. После того как сердобольные караванщики напоили его, звездочет Рахматулла назвал себя и, попросив доставить его ко двору повелителя правоверных, впал в забытие.

Когда придворные лекари привели звездочета в чувство, он предстал пред очи султана, его визирей и высшего духовенства.

- Почему только ты один выбрался из этого города? - спросил хозяин дворца.

- О властелин, все мои сотоварищи остались там: одни обратились в золотые изваяния, а другие умерли в желтой пустыне.

- Он не в своем уме, повелитель, - заметил один из чиновников. - Жаркое солнце расплавило ему мозги.

- Помолчи, - остановил его султан.

Выслушав подробный рассказ Рахматуллы, он задумчиво сказал:

- В его речах нет следов безумия - он говорит складно и толково... А что думает по поводу услышанного нами великий муфтий?

Служитель аллаха приподнялся с подушек и, приложив к груди руку, отвечивал:

- Я думаю, о надежда ислама, что звездочет говорит правду... Видно, аллах в назидание нам обрушил на грешный город свой гнев. А те двое великанов, источавших свет... может быть, это святой Хызр и святой Хусам?

После обсуждения событий, последовавших за падением звезды, султан разослал во все концы страны указ, в котором извещалось: всевышний покарал нечестивцев, обратив их в камень. Доступ в проклятое место отныне воспрещался. Но сразу же поползли слухи о том, что в погибшем городе все: дома, люди, сама земля - превратилось в золото. Некоторые смельчаки стали проникать в проклятый аллахом край, но те немногие, кто возвращался, вскоре умирали от незнаемого недуга. И суеверный страх перед Неведомым отбивал у других охоту отправиться за "золотом святого Хызра". Горячие ветры заносили город песком и пылью, принесенной с полей Ферганы...

Шли годы, под ударами кочевников рушились государства, жизнь возрождалась на новых местах, и падение звезды постепенно забылось, остались в памяти иных поколений лишь смутные легенды, предания о святом Хызре.

Возвращаясь с похорон доцента Бекмирзаева, некоторые вполголоса говорили: "Сам себя загубил. Да и эти раскопки - они же бессмысленны". Уже на следующий день после его смерти институтским начальством была высказана мысль о том, что пора прекратить работы, проводившиеся Бекмирзаевым в Язъяване. Это встревожило Даврана Хасанова, который под руководством Бекмирзаева участвовал в раскопках. Поэтому сразу же после похорон он выехал в Язъяван, чтобы привести в порядок документацию экспедиции и подготовить аргументы в пользу продолжения археологических изысканий.

И когда спустя полмесяца из центра поступило указание прекратить работы, Давран написал докладную, в которой приводил расчеты доцента Бекмирзаева, свои умозаключения, и просил разрешения продолжить раскопки. Еще через неделю в лагерь экспедиции прибыл однокурсник Даврана Нияз Мансуров - щеголь, словно сошедший со страницы журнала мод, с тонкими, словно выщипанными, бровями, усиками. Увидев его издали, Давран ощутил досаду: вместо того чтобы прислать знающего специалиста, институт командировал этого пройдоху. То, что совершенно чуждый научным интересам парень благодаря большим связям чувствовал себя спокойно на этом поприще, вызывало неприязнь не только у Даврана, но и у многих

археологов. Давран учился вместе с ним пять лет, бывал с ним на практике, но ни разу не видел, чтобы он копался в земле или проявил хоть какой-то интерес к находкам. И тем не менее Нияз получил диплом об окончании вуза. А вот теперь именно его направили на месте решить судьбу раскопок в Язъяване.

Когда они поднялись на каменистый бугорок, Нияз, вместо того чтобы слушать объяснения коллеги, принялся отряхивать запыленные штанины.

- Куда ты меня тащишь?! - возмутился он, когда Давран направился было к лабиринту раскопок. - Я и отсюда вижу, что вы, словно суслики, копаетесь в земле. Ты покажи мне найденные вещи.

- Разве ты не видел их в институте?

- Да видел какие-то пять-шесть черепков, - с иронией ответил Нияз.

- При раскопках Афрасиаба [городище близ Самарканда, где в I тысячелетии до н.э. находилось крупное городское поселение] сначала тоже были найдены глиняные черепки, - парировал Давран.

Ничего не ответив, Нияз достал из нагрудного кармана сигару и откусил кончик ее. Долго отплевывался от табака, затем прикурил и с важностью стал осматривать панораму раскопок.

- Говоришь, Афрасиаб? - Он, видно, не привык еще к сигарам или нечаянно слишком глубоко затянулся; во всяком случае, начавший душить его кашель не дал ему договорить до конца.

- Да и Помпеи - там тоже начиналось с черепков, - вновь с усмешкой произнес Давран.

Нияз откашлялся, потушил о каблук сигару, положил ее в футляр и сунул в карман.

- Времена Помпеи и Афрасиаба прошли, дружище. На твою и мою долю не выпадут такие грандиозные открытия. Поэтому, как говорится, по одежке протягивай ножки. Какой смысл мучить себя и людей, тратить колоссальные средства ради того, чтобы откопать захудалый кишлак?

- Конечно, можно никуда не ездить и строчить диссертации на материале прежних раскопок. Я слышал, что некоторые так и делают...

Нияз понял намек и, нахмутив брови, резко сказал:

- Ученый совет пришел к выводу, что в твоих сообщениях нет стоящей информации.

- А может быть, некоторые всезнающие товарищи ввели в заблуждение членов ученого совета относительно содержания моей докладной?

Теперь Давран намекал на "руку" Нияза - его родственника, занимавшего руководящий пост в институте.

- Я приехал сюда не по желанию отдельных товарищей.

- Если бы и ученый совет придерживался твоей позиции, то не было бы никакой надобности в твоём приезде. Направили бы категоричный приказ о прекращении работ, и все.

- Возможно... Однако я приехал не с дурными намерениями. Поговорим без насмешек. Ты меня не любишь, мне это хорошо известно. Я тоже не соскучился по тебе и приехал не затем, чтобы повидать тебя... Лучше, когда мужчины разговаривают в открытую. Никто из нас не должен друг другу. Мы не оспариваем с тобой одно кресло. Я собираю урожай со своего поля, а ты - со своего.

- Твое определение очень образно... Ну-ка, угости сигарой, подымим.

- Ты подумал, что было бы, если бы приехал не я, твой однокашник, а другой?.. - начал Нияз.

- Другой, по крайней мере, со всей серьезностью отнесся бы к нашей главной находке - кисти руки, выполненной из неизвестного материала.

- Да мало ли как мог сюда попасть обломок индийского культового изваяния?

- Но манера совсем не похожа на манеру скульпторов, создававших индуистские и буддийские статуи.

- Ты уже перерыл сотни тонн грунта, а других подобных находок пока нет.

- А эта найдена всего за три дня до смерти Бекмирзаева. С тех пор работы велись черепашьим темпом... Надо по-настоящему раскопать Язъяван.

Нияз досадливо поморщился и стал озираться по сторонам - спор явно наскучил ему.

- Послушай, Давран, я устал с дороги. Подумаем об отдыхе. И давай не будем напрасно ломать копья. По возвращении я скажу, что не пришел к определенному мнению. Предложу вызвать тебя. Приедешь и будешь сам сражаться за эту яму.

Они повернули назад. Давран понял, что Нияз и на сей раз хочет выйти сухим из воды. С одной стороны, он вроде бы и заступался за Даврана. На самом же деле он не хочет связывать себя никакими обязательствами. Нияз прекрасно знал, что для прекращения работ нет ни одной веской причины, что разговор об этом шел только в узком кругу. Но ему известно, что многие годы один из руководителей института, дядя Нияза, был на ножах с доцентом Бекмирзаевым, вследствие чего каждое начинание покойного наталкивалось на препятствия.

- Можешь уделить мне один день? - спросил Нияз, когда они подошли к палаткам лагеря.

- А что?

- Срок командировки - неделя. Я слышал, здесь есть хорошие места для отдыха.

Давран давно уже соскучился по родным, но события последнего времени не позволяли и думать о поездке к ним. Неожиданное предложение Нияза пришлось как нельзя кстати. "Да, не худо бы немного развеяться", - решил он и сказал:

- Ладно, завтра придумаем что-нибудь.

На землю опустились сумерки. Рабочие экспедиции уселись вокруг костра. Вода в закопченном до черноты чайнике быстро закипела и выплескивалась из-под крышки, словно грозя потушить огонь. Обугленные ветки шипели, густой пар поднимался над костром, но хворост быстро вновь воспламенялся, и жаркие языки пламени снова принимались лизать чайник. Наконец Давран железным крюком подцепил его за ручку и поставил на траву. Бросил в кипяток пригоршню заварки, немного погодя налил чаю в пиалу, вылил его опять в чайник, повторил эту операцию дважды, чтобы напиток заварился покрепче. Обычно вечера возле палатки сопровождалась веселой болтовней, песнями, однако сегодня разговор не клеился. Даже чай не допили до конца. Всех коробила заносчивость гостя, его начальственный тон.

Нияз отправился спать в палатку. Давран поставил свою раскладушку на свежем воздухе. Бросил на нее шерстяное одеяло и лег на спину, заложив под голову руки. Спать не хотелось. Смотрел в небо, усеянное звездами.

"Просто я одинок, - думал Давран. - До поры до времени вокруг меня единомышленники. Но когда начнется схватка, многие, очень многие выйдут из игры. Вот и Асад Бекмирзаевич - помощников и учеников у него было много. А когда встал вопрос об отправке письма в академию по поводу конфликта между Бекмирзаевым и его противниками в институте, один сказал: "Я недавно женился в третий раз, опозорят меня", другой произнес: "Я член ученого совета, подписать не могу", а третий колебался: "Я никак не разберусь, кто же прав". В итоге все молодцы, которые поддерживали его словесно, остались верны поговорке: "Не будь ни началом, ни концом палки". И Асад Бекмирзаевич один предстал перед президентом академии. Сообщенные им факты подтвердились, в институте произошли изменения. И тем не менее ему на всю жизнь пришили ярлык смутьяна. Асад Бекмирзаевич боролся за правду. А лаврами был увенчан родич этого Нияза. А Нияз, пожалуй, добьется большего, чем его дядя. Еще недавно он воротил нос, едва заговаривали про археологию. Десяти самым лучшим лекциям он предпочитал один плов, приготовленный с друзьями в чайхане. А теперь приехал поучать

меня".

- Мулла Давранбек, вы еще не спите?

Услышав знакомый голос, Давран отвлекся от своих размышлений. Поднялся с раскладушки.

- Почти угадали, - улыбнулся Давран и указал место рядом с собой. Садитесь, Игитали-ака.

Однако ночной гость не воспользовался приглашением, а примостился на корточках возле ствола акации. Высыпав из склянки на ладонь немного насвая [жевательная смесь из золы и табака], бросил его под язык. В экспедиции этот человек недавно, по его рассказам, ушел из колхоза после ссоры с очковтирателем-раисом [председателем]. Дом его был недалеко от места раскопок, поэтому он не ночевал в лагере, а приходил на работу утром и уходил вечером. Но случалось, что он засиживался за оживленной беседой и оставался в палатке вместе с другими рабочими. Пятидесятилетнего Игитали-ака уважали все участники экспедиции и в основном молодые парни, он же относился к ним как к родным сыновьям.

- По мусульманскому календарю сегодня двадцать седьмая ночь месяца рамазана. Раньше все ждали с наступлением темноты появления святого Хызра, - проговорил Игитали-ака, стряхивая с ладони остатки насая. - Я тоже ждал. И отец мой ждал. Наверное, и дед ждал. Однако никто из нас не видел Хызра. Говорили: если Хызр появится в эту ночь, то кругом становится светло, как днем, и любая вещь, к которой прикоснешься, превратится в золото. В давние времена одна женщина из нашего кишлака увидела святого и с испуга схватила своего ребенка, чтобы защитить его. В тот же миг малыш превратился в золотую статую. Погоревала она, погоревала, а потом нужда заставила ее отпилить один палец у изваяния и продать ювелиру. Ровно через год, в ту же ночь Хызр явился вновь. Теперь женщина ждала его и, едва увидела святого, схватилась за статую ребенка. Малыш ожил, но в том месте, где был отпилен палец, полилась кровь. В детстве я не раз слышал эту легенду и верил в нее. Теперь-то никого не удивишь такими рассказами, ответят - сказки.

Кончив говорить, Игитали-ака выплюнул насвай, вытер рукавом халата губы.

- Мы ведь неграмотные были, вот и верили всему.

- Это хорошо, что верили, Игитали-ака, - сказал Давран. - Есть такие, которые сами ни во что не верят и другим морочат голову. Мой учитель Асад Бекмирзаевич тоже знал эту легенду. Именно предание о святом Хызре, появлявшемся здесь, заставило его начать раскопки в Язъяване. Так что, как видите, и ученые иногда верят в сказки.

- Пять пальцев не одинаковы... Недавно вы ходили по раскопкам вместе с одним щеголем. Прошел слух, что будем сворачивать работы.

- Это пока неизвестно.

- Вам-то все равно. Не здесь, так в другом месте будете продолжать свою работу. А мне куда деваться? Придется вернуться. Причем вернуться "с повинной" в колхоз. Переехать в город или в другое место не смогу прикипела душа к родным местам.

- Нет, Игитали-ака, для меня не безразлично, где копать. Если хотите, я не меньше вашего патриот Язъявана. Верю, что здесь, у нас под ногами, скрыты волнующие тайны ушедших веков.

- Удачи тебе, дорогой. Ты достойный продолжатель покойного Асаджана он тоже до бесконечности мог говорить о Язъяване.

- Спасибо за теплые слова, Игитали-ака. Не знаю только, дадут ли мне докопаться до этих тайн... Вот и приходится ловчить, избегать открытого столкновения с противниками Асада Бекмирзаевича. Завтра везу щеголя на прогулку. Вернусь, буду думать, как спасти дело учителя.

- Куда вы хотите поехать?

- На Сырдарью.

- В таком случае прихватите меня с собой. Я заядлый рыбак. Добуду рыбы на уху.

Давран молча кивнул, Игитали-ака поднялся, протянул руку для рукопожатия. После его ухода археолог долго не мог уснуть. Взгляд его был устремлен в черную бездну, усыпанную звездами. Оставаясь один на один с этим небом, Давран всегда впадал в какое-то оцепенение. Вот и теперь, неподвижно глядя на яркую звезду, сиявшую хрустальным блеском, Давран дал свободу своим мыслям.

Собираясь в дорогу, путешественник мечтает об открытиях, о прекрасных молодых планетах. Если его надежды не сбываются, то и путь домой ему не в радость. А если к тому же с твоим полетом связаны надежды миллионов тогда неудача миссии причиняет подлинные страдания.

Когда Ниг взял обратный курс на свою родную планету Унет, он чувствовал себя именно таким горе-путешественником. Внезапная, необъяснимая смерть Кива спутала все их планы. Пришлось свернуть программу исследований и ограничиться лишь осмотром маленького участка планеты. Поместив тело Кива в вакуумную камеру, Ниг уже не отваживался отходить далеко от корабля. Взяв образцы минералов, пробы грунта на разных глубинах, он выбрал из множества изваяний два и поместил их в контейнер с прочими находками. Даже это было нарушением инструкции, обязывавшей прекратить экспедицию в случае смерти одного из членов экипажа. Но нельзя же было вернуться с пустыми руками.

Пока звездолет набирал ускорение, Ниг следил за работой систем жизнеобеспечения. Когда датчики возвестили о том, что достигнута крейсерская скорость, космонавт проверил работу роботонавигаторов и вошел в камеру сна.

Пробудился Ниг от какого-то толчка. Когда он освободился от ремней и поднялся с ложа, то едва мог двигать руками и ногами - они словно налились свинцом, все тело ломало. Ниг прислонился к стене, обхватив ладонями голову. Вдруг быстро открылась дверь и показалось чье-то лицо. Ниг не успел рассмотреть его, потому что дверь бесшумно закрылась с такой же быстротой. Ниг бросился в ярко освещенный коридор. Никого. Он направился к вакуумной камере. Заглянул внутрь через перископ: труп был на месте. В тот же миг за спиной космонавта послышались вкрадчивые шаги. Кто-то проскользнул в кабину управления. Противный зуд пробежал по телу, кожа покрылась фиолетовыми пятнами. "Волнуюсь", - мелькнуло в сознании Нига. Он снял с предохранителя аннигилятор и направился в кабину. Но здесь тоже никого не было. Космонавт обессиленно повалился на сиденье пилота. С минуту прислушивался к гудению приборов. И снова окаменел от страха кто-то сзади положил руку ему на плечо, прошелестело чужое дыхание. Ниг резко обернулся, выставив вперед аннигилятор. И снова никого не увидел. Он сходил еще раз к вакуумной камере, убедился, что труп Кива на месте, осмотрел все закоулки корабля и вернулся в кабину.

"Что это? Галлюцинации? Нервы сдали, не могу взять себя в руки? Опять кто-то ходит. Шаги. Несуществующего. Почему я боюсь? Разве Несуществующий страшен? Ведь он есть только в моем воображении?.. Но откуда он взялся? Почему я позволил ему занять место в моем сознании? Еще не пройдена и половина пути. Я одинок на корабле. Только я один. Больше никого нет. И шагов нет. Я один. Я один..."

Ниг подключился к аппарату психотерапии. Когда нервы несколько успокоились, вновь вошел в камеру сна. Он снова проснулся от непонятной тяжести. Все тело ломало. С трудом поднялся, прошел в кабину управления. Ровное гудение приборов. Никого. Ниг опустил в кресло и впал в забытие. Ему привиделся Фид. Серьезный взгляд, редкая растительность на лбу, толстые фиолетовые губы скорбно выпячены. И голос - грубый, скрипучий.

- Мы проиграли, Ниг. И приговор должны вынести сами.

- Приговор? Зачем?
- Новые порядки требуют от нас безошибочной работы.
- Такие порядки могут установить только невежды.
- Воля ученых часто находилась в руках невежд.
- Я не понимаю, чего вы добиваетесь.
- Мы должны вынести приговор.
- Какой приговор?
- Как ты смотришь на самоаннигиляцию?
- Такая дикая мысль никогда не могла прийти мне в голову.
- Подумай!
- Это безумие, Фид!
- Подумай!.. Это самый верный путь...

Ниг вскочил с кресла. Протер глаза. Опять галлюцинации? Надо сосредоточиться и выгнать из головы все нелепые мысли. Но успокоение не приходило, Ниг машинально принялся барабанить руками по стене - привычка, оставшаяся со времен обучения в центре космоплавания. Но движения были необычно затруднены, тяжесть не покидала его. Ниг перевел взгляд с приборов на стену и чуть не вскрикнул - на руках у него было не по три, а по пять пальцев. Столько же, сколько у каменных изваяний на Эрл! Космонавт, шатаясь, поднялся и вышел из кабины. Снова посмотрел на руки. Нет, пальцев не пять, а как всегда, три. Значит, опять галлюцинации. "Проклятые памятники! Вся эта чушь лезет в голову из-за них!" Он бросился в грузовой отсек, стал лихорадочно вскрывать запоры герметического контейнера с образцами, взятыми на Эрл. Но вовремя одумался и остановился. "Опять грубейшее нарушение инструкции. Если случайно допущу микроорганизмы планеты в атмосферу корабля, они попадут и на Унет. Это может вызвать катастрофу... Надо привести себя в порядок..."

Ниг надолго включил агрегат психотерапии, а затем сразу же направился в камеру сна, закрепил себя на ложе ремнями и мгновенно уснул. Робосторож разбудил его перед самой посадкой на Унет.

Услышав о том, что Ниг вернулся, Фид не смог усидеть дома. Но и пойти к старому другу долго не решался. В неудаче экспедиции он винил только себя: ведь это он двадцать два года назад заявил, что на одной из планет, обращающихся вокруг отдаленной звезды Тэт, должны быть условия для жизни, и она сможет принять переселенцев с Унета.

К тому времени его родная планета сделалась гигантским кладбищем. Стремительно вымирали последние виды растений и животных, естественная среда обитания сделалась небезопасной и для унетян, породивших эту всепожирающую цивилизацию. И за такой исход развития были ответственны администраторы и менеджеры. Ведь ученые заранее предсказали наступление такого момента, когда ситуация выйдет из-под контроля, и били тревогу, предупреждая об опасности. Однако население Унета, ослепленное успехами техники, не обратило внимания на предостережения и восприняло их как предположения скептиков. "Уму непостижимо" - это определение стало обиходным для всех и каждого. Скорость уму непостижимая. Мощност уму непостижимая. Погоня за самым-самым привела к загрязнению окружающей среды в уму непостижимой степени. Однако это явление признали только тогда, когда оно сделалось очевидным. И все-таки унетяне не нашли в себе сил самоограничиться, а когда на планете не осталось свободной земли и поверхность ее полностью перешла в услужение менеджеров, наступил кризис. То, что сначала объявлялось победой разума над законами природы, обернулось поражением. Экономика, нацеленная на погоню за барышами, начала рушиться. Благосостояние населения Унета пошатнулось. Вот тогда-то и бросились в космос за спасением. Долгие годы поисков ничего не принесли ученым не удавалось

обнаружить планету, пригодную для заселения. И тут явился Фид со своими расчетами. Планету, открытую им, назвали "Эрл", что значит "Надежда". Надежда на продолжение жизни. Ибо впереди унетян ждала пустота. Голая земля. Без единого живого существа, без единого зеленого кустика. И только осевшие, полуразвалившиеся здания, громящиеся повсюду, останутся свидетельствами жизни, что когда-то была на Унете... Таким видели завтрашний день планеты ее обитатели. С тем большим воодушевлением принялись за подготовку экспедиции на Эрл. Судя по данным Фида, состав атмосферы был там почти идентичен составу атмосферы Унета. К тому же спектроскопические исследования показали, что на далекой планете есть вода.

Если бы кто-нибудь из ученых сотню лет назад объявил, что на одной из далеких планет может существовать жизнь, он наверняка не был бы вознесен на такие высоты славы, как Фид. Его открытие заняло бы место среди обычных ежедневных новостей. Но в иную эпоху, когда жизнь Унета висела на волоске, а исследования ученого привели к таким обнадеживающим результатам, в сердце каждого унетянина зажегся огонь надежды. Именно поэтому Фиду повсюду воздавались почести.

Для полетов автоматов, для контрольных проверок не было времени. Поэтому перед выдающимися исследователями Нигом и Кивом была поставлена задача: долететь до Эрл, опуститься на ее поверхность, изучить возможную среду обитания на месте, при встрече с разумными существами установить контакт. Чтобы обезопасить космонавтов от поражения неизвестными микроорганизмами, была разработана аппаратура, обеспечивавшая кораблю и его экипажу большую зону защитного излучения. И вот теперь корабль Вернулся. Надежда рухнула.

Ниг, живой, но с симптомами психического расстройства, рассказывает о преследовавших его галлюцинациях. Кив погиб от неизвестной причины несмотря на все меры предосторожности, принятые космонавтами. Главный итог экспедиции - условия на Эрл опасны для жизни унетян. Этого достаточно, чтобы перечеркнуть судьбу Фида.

Сердце его сжалось. Душе захотелось безлюдья, широкого простора. Просторы... Где они есть? Теперь это просто метафора. Мы привыкли к узким ущельям между зданиями, только вот душа не может привыкнуть, атавистическая тяга к воле все живет в ней.

Сейчас все спят, подключившись к своим любимым программам проектора сновидений. Только Фид не может уснуть. Вот уже несколько дней он мучается от невозможности забыться - импульсы проектора искажаются, и вместо приятных сновидений он видит кошмары. И никому не поведаешь о своем горе. Есть ли кто-нибудь, кто разделит бы с ним его печаль?!

На цыпочках, чтобы не разбудить соседей, Фид вышел в коридор, проехал в капсуле подъемника до первого этажа и попал в сквер. Было душно. Он и сам не знал, куда идет. Душа требовала широты, простора. Он понимал, что такого места ему не найти, но все шагал по каменным плитам, устилавшим улицы спящего округа Bay 35/12.

Под утро он добрался до роши. В пору Покорения Природы (так именовалось это время велеречивыми администраторами) унетяне оставили от каждого леса такие вот рошицы, как память о дикой растительности, некогда покрывавшей планету. И теперь Фид искал успокоения на этом клочке побежденной природы.

Тесен мир. Нет ни пяди свободной земли. "Но где-то должен быть простор, который может дать утешение душе, - думал ученый. - Пусть даже не будет света. Ощущение простора необходимо человеку! Без этого невозможно... Неужели я брежу? Глупец... Это сказывается бессонница. Я мечтаю о мираже..."

Глаза его воспалились, в горле пересохло. Ему казалось, что стеклянные громады зданий, переливающиеся под первыми лучами солнца, наступают на крохотную рошу и вот-вот сомкнутся...

Фид вошел под сень деревьев. Сначала он шагал по вытоптанной глинистой тропинке, затем ступил на покрытую нежной травой сырую землю. Машинально, сам того не замечая, Фид срывал листья с деревьев, щипал травку и задумчиво жевал зелень.

Поднялся легкий ветерок, и Фид вдруг ощутил знакомый запах - затхлый и приторный запах Приюта. Ему ли было не знать его: ведь он долго возглавлял Комиссию по водворению провинившихся ученых. Он часто бывал в Приюте содержащиеся здесь лишались возможности заниматься наукой за тот ущерб, который они нанесли обществу своими ошибочными гипотезами или проектами... Трижды в день их подключают к источнику физиологического раствора. Иногда питания не положено. Одинаковые балахоны. Гладко выбритые лбы - знак отверженности. Теперь Фиду предстоит занять лежак в Приюте - вот цена его ошибки в расчетах... Но откуда здесь этот запах? Он встревоженно озирается, но ничего не видит, кроме корявых стволов листвы. Сделав несколько шагов, останавливается: пара горящих глаз воззрилась на него из сплетения ветвей. Фид сразу узнает этот взгляд: "Ты Пим?!" Грузное тело обрушивается на землю, и узник Приюта, путаясь в полах нелепого балахона, бежит прочь. "Стой, Пим! Я не собираюсь причинить тебе зла!" - кричит Фид и бросается вслед за беглецом. Он скоро настигает своего бывшего коллегу питание в Приюте явно не способствует упражнениям в беге. Пим в испуге закрывает бритый лоб руками, кожа его покрывается фиолетовыми пятнами. "Как ты попал сюда?" - спрашивает Фид. Молчание. Оба долго смотрят друг другу в глаза.

Фид вспоминает: это ведь он первым потребовал, чтобы Пима отправили в Приют. Нет, он не сожалеет о своем тогдашнем решении. Пим давно должен был быть направлен в заключение. По его вине высохло большое озеро. Когда стало известно, что уровень воды в нем из года в год падает, перед унетянами возникла дилемма: сохранить озеро, невзирая на большие расходы по его спасению, или отказаться от вмешательства, предоставить водоем собственной несчастной судьбе. Выгоды первого решения проблемы не покрывали бы и половины расходов. Конечно, и во втором случае не избежать бы убытков. Однако предполагаемая прибыль от освоения дна высохшего озера в будущем должна была превзойти их. Пим встал на защиту второго решения. Он представил убедительные расчеты, обещавшие прибыль, и рекомендовал не дожидаться естественного высыхания озера, а "помочь" ему. Приступили к осушению, и через короткое время по дну можно стало ходить. Поначалу выгоды были немалые - появилась новая территория для застройки. Пиму вручили награду, его имя то и дело мелькало в речах администраторов. И только по прошествии многих лет унетяне убедились, что осушением озера был нанесен непоправимый ущерб природе, резко изменился климат большого района, пострадала экономика. Общие потери оказались в итоге огромны. И тогда Комиссия постановила: Пим лишается всех знаков признания и заключается в Приют.

Ученый повернул обратно. Выйдя из рощи, он увидел знакомую фигуру у входа в его дом. Сердце Фида учащенно забилось, но он продолжал спокойно шагать, словно ничего не случилось. Когда взгляды их встретились, он сказал только:

- Прошло двадцать два года, Ниг...
- Фид! - Ниг обнял постаревшего друга.
- Я действительно ошибся? - сдавленным голосом спросил Фид.
- Сейчас трудно сказать наверняка.
- На днях соберется Комиссия по водворению...
- Я написал письмо Верховному собранию с просьбой не спешить с решением.
- Спасибо, Ниг. Однако до сих пор не был прощен ни один из ученых, допустивших ошибку.
- Именно поэтому мы и оказались на краю гибели. Ошибавшиеся ученые попадали в Приют и лишались возможности вести исследования, а неопытные жили в свое удовольствие и

довели нашу бедную планету... Неужели так трудно понять эту простую истину!

- Напрасно ты кипятишься, - понизив голос, заметил Фид. - Эта задача не из тех, которые мы можем обсуждать.

- Если бы мы покидали Унет, какую память о себе оставили бы мы?

- Я не думал об этом.

- Ты должен был подумать... Кива будут погребать с почестями?

- Нет, об этом речи еще не было. Медикам пока не удается установить причину смерти. Попробуют, видимо, оживить его... Ты привез с собой целый ворох загадок. Хватит ли нам времени, чтобы разгадать их?

Не дожидаясь приглашения, Нияз открыл переднюю дверцу машины, смахнул с сиденья пыль. Усевшись, он бросил портфель назад и устался на дорогу. Игитали-ака подумал: "Э-э, да парень-то из тех, что любят заноситься". Вопросительно посмотрел на Даврана. Но тот, словно ничего не заметил, открыл заднюю дверцу и сел рядом с портфелем начальника.

- Трогаемся, Игитали-ака?

Машина двинулась по ухабистому проселку. Клубы пыли взлетали из-под колес, наполняли кабину. Нияз поспешно поднял боковое стекло. Затем достал из кармана носовой платок, сложил его несколько раз и набросил на шею. Игитали-ака искоса наблюдал за движениями гостя. Что-то не нравилось ему в Ниязе: то ли выражение лица, то ли не к месту франтовый вид. И все-таки он ничем не выдавал своих чувств - встретить гостя следует как подобает, независимо от того, мил он тебе или нет. Понятие об этом Игитали-ака впитал с молоком матери. Но поделаться с собой ничего не может - не по нутру ему этот парень. Видно, поэтому он все не может найти повода, чтобы начать разговор. Да и Давран что-то молчит. Может, не выспался: сидит с закрытыми глазами...

Когда машина выбралась на большую дорогу, Нияз спустил боковое стекло. Подставил лицо ветру.

- Какой воздух, словно каймак! [сливки] - сказал он.

Игитали-ака слегка улыбнулся и кивнул головой.

- Машина ваша собственная?

- Да, собственная.

- Вы изрядно потрепали ее.

- Дорогу вы сами видели, благо еще машина терпит.

- Сколько вы за нее заплатили? Продайте ее, пока она совсем не развалилась.

- Зачем?

- Как зачем? Купите новую.

Разговор начал Нияз. Долг хозяина обязывал Игитали-ака поддержать беседу. Поэтому Игитали-ака, не глядя на гостя, сквозь зубы сказал:

- Не-ет, я не могу ее продать.

- Как это "не могу продать"? Да она у вас уже прошла восемьдесят тысяч, раскрутите назад вот эту штуковину, доведите показания спидометра до двадцати тысяч, смажьте, подтяните кое-где, протрите, и все дела. Пригоните в город и продадите по меньшей мере за шесть тысяч - ручаюсь за это.

- Если захочу продать - покупатель и здесь найдется. Только, дорогой гость, я не умею ловчить. Да и главное - эту машину мне дали в награду. Она мне дороже любых денег.

- В награду?!

- Да.

- Где вы работали прежде?

- А где Может работать житель кишлака - хлопок выращивал.

- Вы были механизатором?
- Когда возникала необходимость, был и механизатором.
- Да-а, бросить такую работу!.. Я слышал, они огребают кучу денег...

Нияз не смог закончить свою мысль. Давран слегка толкнул его в плечо. Нияз обернулся.

- Проснулся?
- Сейчас будем проезжать барханы.

Однако Нияз не понял знака Даврана и, вместо того чтобы прервать неудачный разговор, продолжал:

- Я слышал, что некоторые живут в свое удовольствие до самой осени, а на поле выходят с началом уборки урожая. Соберут пятьсот или шестьсот тонн хлопка, загребут денег на машину и опять отдыхают до следующего сезона. Это верно?

Игитали-ака взглянул на Нияза.

- Возможно, есть и такие.
- Вы не обижайтесь, я не хочу сказать, что вы из таких.
- Ба-а, дорогой гость, даже и не подумаю. Продолжайте, не стесняйтесь.
- Выходит, вы неплохо работали, если вас наградили машиной. А ордена у вас есть?
- Есть.
- Сколько?
- Стоит ли их пересчитывать?
- Да я так, ради интереса... Во всяком случае, меня удивляет, почему вы в экспедиции.
- Врачи посоветовали, чтобы я сменил профессию... Смотрите, только что мы ехали по цветущей долине, и уже начинается пустыня. - Игитали-ака явно хотел перевести разговор на другую тему.

Деревья вдоль дороги поредели. А скоро за окнами машины поплыли песчаные барханы. Даврану казалось, что эти пески скрывают от взора людей тайны древности. Пески в Кызылкумах или Каракумах никого не удивляют. Однако встреча с небольшим клочком пустыни прямо в центре цветущей долины наполняет душу какой-то тревогой. Во всяком случае, так бывает с Давраном, когда он проезжает этой дорогой. "Что это? Каприз природы? Скорей всего в древние времена вся Фергана выглядела так и благодаря настойчивости народа превратилась в цветущий сад. Может быть, наши деды и прадеды, сражавшиеся с песком, оставили в качестве напоминания грядущим поколениям этот кусочек пустыни, нечто вроде естественного музея?.."

- Кажется, в песках что-то посажено? - спросил Нияз.
- Деревья саксаула, - ответил Игитали-ака.
- Саксаула? Это еще зачем? Ведь эти места хотели осваивать?
- Пески занимают площадь около десяти тысяч гектаров. Что можно было, освоили. Навозили на песчаный слой земли, сверху набросали слой плодородной почвы и сейчас сеют хлопчатник. А саксаул сажают для того, чтобы барханы не ползли на посевы. Тяжело приходится. Каждый год принимаются за посадки.

- Что, не прививается?
- Прививаться-то прививается, но едва росток пробьется наружу, как сюда пригоняют скотину. Сколько скандалов было из-за этого. И штраф платили. Но положение остается прежним. Если к саксаулу не притрагиваться в течение двух лет, потом горя знать не будешь - прибыль пойдет горой.

- Игитали-ака, вот вы дехканин, - сказал Давран. - Со временем от песков не останется и следа - пустыню осваивают. Но как вы считаете: правильно ли это будет?

- Не в характере нашего народа сидеть сложа руки. Стоит узбеку увидеть клочок свободной

земли, он тут же что-нибудь посадит. Вот и на месте пустыни он разобьет сады.

- Но правильно ли это будет?

- А чего тут неправильно?

- Полное уничтожение пустынь окажет вредное влияние на климат.

- Вы люди ученые, а мне откуда знать? Мое дело работать. - Он на минуту задумался, затем произнес: - Конечно, климат тоже меняется. Не потому ли так часто люди стали умирать внезапно? Раньше подобных случаев было мало. А теперь о них слышишь чуть не каждый день. В кишлаках, правда, не так много, больше в городе. Интересно, в чем же причина?

- Причина проста: давление крови... - важно сказал Нияз, разминая сигарету.

Игитали-ака так и не услышал объяснения внезапных смертей. Нияз быстро перевел разговор на новую тему: о страшном урагане, пронесшемся над Америкой. Давран усмехнулся: он знал, что Нияз любит щегольнуть своей мнимой образованностью. И то, что сей "ученый муж" не сумел дать ответа на вопрос дехканаина, лишний раз свидетельствовало о его невежестве. Хотя причины ишемических заболеваний давно известны любому образованному человеку.

Остановились в райцентре возле книжного магазина. Директор, невысокий плотный мужчина, обнял Даврана как родного брата, остальных приветствовал крепким рукопожатием. Давран представил его: "Камалходжа. Вместе учились в школе, женился здесь и остался в этом районе". Узнав, что гости собрались на рыбалку, Камалходжа попросил немного подождать, сел в свой "Запорожец" и куда-то уехал. Вернулся он через полчаса. К багажнику на крыше машины был привязан невод. Вместе с директором магазина приехал высокий худой парень. Это был Закирали - самый заядлый рыбак в округе. Камалходжа представил приятеля гостям.

- А родился он в год верблюда [двенадцатилетний цикл летосчисления на мусульманском Востоке, каждый год которого носит название животного (мышь, корова, тигр, заяц, рыба, змея, лошадь, баран, обезьяна, курица, собака, свинья); год верблюда - выдумка Камалходжи], - добавил он шутливо.

- Не удивляйтесь, гости дорогие, - сказал Закирали, парируя шутку друга, - с тех пор как книжным магазином стала заведовать корова, цикл летосчисления увеличился на один год.

Все от души рассмеялись. Затем забрались в машину Камалходжи и отправились к реке. Пока ехали, не смолкали шутки, смех.

На песчаном берегу Закирали сразу же снял невод с багажника, разложил его и начал латать порванные места. При этом он ворчал, что сети не стоит доверять даже признанным "королям" рыбной ловли, и выругался в чей-то адрес. Тем временем Камалходжа открыл багажник и вытащил две старенькие курпачи [узкие стеганые одеяла], сумку с продуктами и выпивкой.

Вскоре невод был готов. Закирали с Камалходжой вошли в воду. Распустив снасть, они тянули ее за оба конца и медленно продвигались против течения. Невысокий Камалходжа шел возле берега, а Закирали ближе к середине, где вода доходила ему до плеч. Если попадались ямы, голова его скрывалась под водой, затем он выныривал вновь и молча махал рукой остановившемуся другу: что встал? Таким образом, рыбаки удалялись все дальше.

Нияз некоторое время наблюдал за ними, затем разделся, аккуратно сложил одежду, убрал ее на сиденье машины и лег на расстеленную курпачу. Его, видно, разморило на солнце - через минуту он уже спал, приоткрыв рот. Давран скатал вторую курпачу наподобие подушки и, подсунув ее под голову коллеге, пошел к реке. Игитали-ака принялся разводить костер. Ветви деревьев и кустов склонялись к самой воде, мокрая листва блестела под солнцем, словно вырезанная из жести. Все вокруг во власти тишины. Глядя на этот пейзаж, Давран забыл о своем намерении искупаться. Его раздумья прервал шум мотора. Кто-то плыл по самой середине потока. Но вот лодка повернула в его сторону и через минуту мягко ткнулась в

песчаный берег. На песок прыгнул юноша в брюках с закатанными до колен штанинами, в тубетейке, надвинутой на самые брови.

- Думал, нарушители порядка, а тут, оказывается, свои, - сказал он с улыбкой. - Похоже, здесь где-то Закирали-ака. Не узнаете меня? Я племянник Камалходжи-ака. Мы виделись с вами в прошлом году. Тогда я тоже работал в магазине.

Давран узнал парня, но никак не мог вспомнить его имя.

- Теперь мне поручено охранять эти места, - сказал юноша. - Хотите, прокачу вас до острова?

Давран кивнул и влез в лодку. Племянник Камалходжи оттолкнул лодку от берега, завел мотор.

- Хотите посмотреть на диких коз? - спросил словоохотливый парень. Вообще-то это обыкновенные домашние козы. Они как-то умудрились перебраться через реку прошлым летом, когда стояла засуха и воды было Мало. А потом уже не смогли пройти назад и одичали. Как только завидят человека, убегают.

- Вон, смотрите, побегут, если подплывем ближе, - сказал он, когда до острова оставалось несколько десятков метров.

Давран бросил быстрый взгляд в указанную парнем сторону. Среди зарослей неподвижно стояли три белых козы и настороженно смотрели на лодку. Как только подплыли ближе, они словно по команде повернулись и бросились в глубь острова.

- Видели, совсем одичали. - С этими словами племянник Камалходжи повернул лодку и прибавил обороты двигателя.

- Что теперь с ними сделают? - прокричал Давран, чтобы собеседник услышал его сквозь рев мотора.

- Когда уровень воды в реке опустится, пойдут в кишлак и объявят, чтобы хозяева забрали их. Иначе пристрелят.

- Кто?

- Да общество охотников. Говорят, что эти места превратят в заповедник. Поэтому пасти домашний скот здесь нельзя. Оказывается, в древние времена здесь водились дикие животные: от джейранов до тигров. Теперь, говорят, их вновь завезут сюда и будут разводить.

Лодка шла теперь совсем рядом с берегом острова. Давран не отрывал глаз от зарослей. Ему чудилось, что из-за каждого куста поблескивают глаза коз. "Убежали, испугавшись человека... И это домашние животные, прожившие с ним тысячелетия. Что же говорить о диких зверях? Наш предок охотился, чтобы не умереть с голоду. А мы убиваем просто так, ради интереса. При раскопках мы обнаруживаем следы неизвестных животных, отпечатки неведомых растений. Какие из них исчезли с лица Земли по вине человека? Хорошо, что сейчас начали охранять сохранившихся редких животных. Но ведь нельзя уже вернуться назад, к той близости с природой, которая была естественной для доисторического человека..."

- Эге-ге-е! - Сидевший на корме племянник Камалходжи поднялся и замахал рукой. Давран теперь только заметил у противоположного берега ловивших рыбу друзей, те в ответ тоже кричали и размахивали руками. Подплыли к ним, помогли выбрать невод. Дюжина крупных сазанов и усачей билась в мокрой сети. Закирали ловко выпутал рыбу, сложил улов в сумку. Подмигнул Камалходже: "Не арестует нас твой племянник?"

Все дружно расхохотались.

Нияза разбудили, когда уха была готова.

- Забудь сейчас о раскопках, я был, видел, с меня хватит. Поверь, я поддержу тебя. Работа у тебя пойдет, - говорил Нияз Даврану.

- У Даврана одна работа на уме. А человек не машина, ему нужен отдых, вмешался в их

разговор Камалходжа.

Но сколько ни упрашивал Камалходжа, Давран стоял на своем. После ужина, выпив пару пиалушек чая, отправились в путь, поручив Нияза заботам Камалходжи.

Отъехав от гостеприимного дома, заговорили о завтрашних делах. Обоим было неловко даже упоминать о Ниязе, оставшемся "гостить" у малознакомых людей. Наконец Игитали-ака, вздохнув, спросил:

- Судя по словам этого вашего сослуживца, он может прекратить все работы. Это правда?

- Правда, - кивнул Давран.

- Но он говорит: "Поддержу", - может, все будет в порядке?

- А вот в этом я сомневаюсь. Если он заявит, что работы следует остановить, их, несомненно, остановят. Но если скажет, что надо продолжать раскопки, - их все равно могут прекратить. Он ведь слабая личность.

- Я слышал, Асаджан тоже спорил из-за этого места. Чем же не понравилась ваша работа тому сильному человеку?

- У них была личная вражда.

- У нас в кишлаке на смех поднимут, если сказать такое. Все уверены, что ученые - самые умные, кристальные люди. А вражда - это удел всяких неучей, бездельников, невежд.

Давран улыбнулся. Он и сам был такого же мнения, когда учился в школе. Да и на первых курсах института преподаватели с ученой степенью казались ему чуть ли не святыми. Когда до него стали доходить всякие сплетни о преподавателях, он поначалу просто отказывался их слушать. Но с годами он убеждался в том, что ученые не так уж отличаются от простых смертных, что и в их среде можно встретить недоброжелательство, подлость. Немало здоровья унесли у Асада Бекмирзаевича его постоянные стычки с руководством института, с теми, кто завидовал его научным успехам...

Видя задумчивость спутника, Игитали-ака не стал докучать ему разговорами. Когда машина въехала на неосвещенную улицу кишлака, он предложил: "Переночуйте у меня, а утром сын отвезет нас на работу". Но Давран не согласился и попросил высадить его возле шоссе.

До палатки оставалось каких-то сто метров, когда знакомый звук заставил Даврана остановиться. Раздался слабый свист. И снова повторился этот звук, напоминающий скрип двери. Перед глазами археолога все поплыло, и он неожиданно для себя сел на обочине дороги. Окрестность осветилась человеческая фигура огромного роста, окруженная сиянием, двинулась к Даврану...

Во время своего путешествия на Эрл Ниг часто думал о том, как он встретится с родными после полета, как сложатся их взаимоотношения в дальнейшем. Оставшиеся на Унете значительно постареют, жизненного опыта у них будет намного больше, чем у космонавтов. Неудивительно, если друг, с которым он делился всеми своими помыслами, станет чужим, а единомышленник - идейным противником. Ведь за это время на родной планете пройдет бездна времени...

По окончании карантина он получил разрешение общаться с унетянами, и на него обрушилось столько новостей, столько разноречивых мнений, что он невольно стал ощущать себя отставшим от жизни, каким-то чужаком среди своих. Даже с женой не получалось разговора по душам. Дети - сын и дочь тоже отделились от него: ведь они росли, не зная отца. И при первой же встрече с Нигом они заспорили. Нимало не смущаясь, они говорили о собственном отце как об одном из тех, кто нанес вред обществу: провал экспедиции на далекую планету лишил унетян последней надежды. Нигу и в голову не приходило, что ему придется выслушать такое от собственных детей. Поэтому, узнав, что Фида собираются поместить в Приют, он не удивился и даже не разгневался. С тех пор как они с Кивом отправились в космос,

к ученым начали относиться еще хуже - на них стало принято сваливать все беды угасающей цивилизации.

Жена сильно постарела. Ходит с трудом. По всему видно, что старуха доживает последние месяцы. И рядом с ней - Ниг, молодой, полный энергии. Он готов снова ринуться в космические бездны, искать в бесконечных пространствах Вселенной Надежду для унетян.

Ниг чувствовал себя потерянным, никчемным. Прежде стремление вернуться на Унет, к жене и детям придавало ему силы.

- Я думал, меня встретят и внуки, - сказал он однажды, когда сын к дочь собирались спать и выбирали для себя программу сновидений.

- Вы бесконечно отстали от жизни, - ответил первенец таким тоном, который покоробил Ни́га. - Уже восемь лет как действует постановление, запрещающее иметь детей.

- Вот как? - опешил отец.

- С тех пор как репутация ученых-естественников упала в глазах общества, для нас на первом месте стоит философия. Администраторы тоже прислушиваются к современным мыслителям. Особенно распространены идеи Мала - он говорит, что биологическое продолжение рода абсурдно, и не видит смысла в создании семьи. Сначала его последователи женились или выходили замуж только потому, что это была дань традиции. А теперь и в этом не стало необходимости. После декрета о запрещении деторождения были повсюду созданы Дворцы любви.

- Это философия эгоистического невежды, - воскликнул Ниг. - Жить для самоуслаждения, не имея никаких обязательств перед прошлым и будущим! Вы нарушаете великий закон жизни - она никогда не может прерваться сама по себе. Только насилие или катастрофа могут остановить ее. Подлые идейки Мала - кредо врага жизни...

Жена Ни́га, схватившись за грудь, закашлялась. Сын быстро захлопнул окно, опустил штору.

- Видите? Попробуйте-ка продолжать жизнь на этой раскаленной сковородке, если у вас не будет кондиционера... По-вашему, я должен желать своим детям этого? А дальше будет хуже. Нет, я не хочу, чтобы они задохнулись во имя утверждения вашей оптимистической философии. Что они увидят, появившись на свет? Сколько проживут? Сколько лет мы протянем сами?

- Вы просто духовно деградировали. Каким еще словом можно назвать отказ от борьбы?

Действительно, многое изменилось. Умом понимая это, Ниг никак не мог принять сердцем новые порядки. Он тосковал по прошлому, по той цельности, которая встречалась еще среди людей его времени. Поэтому он и пришел к Фиду.

Старый друг говорил с болью, с горячностью - видно, много накопилось у него на душе. Нет, не все унетяне простились с надеждой. Хотя говорить сейчас небезопасно, есть еще те, кто верит в будущее планеты, готов бороться за продолжение жизни. Философия пессимизма не новость, она всегда пыталась мешать развитию общества. Но она перешла в наступление в самый тяжелый момент, в тот момент, когда, напротив, необходимо было собрать все силы для поисков выхода из тупика.

- Многие из тех, кто пытался противостоять заразе "закатничества", попали в Приют. Другие не выдержали борьбы - Кив, например.

- Я слышал. Но не стоит сожалеть о нем, - жестко сказал Ниг.

- Почему?

- Он убил сам себя. Он совершил предательство.

- Кого же он предал?

- Сначала себя, потом общество, науку. Я не умею сожалеть о трусах.

- Ты чрезмерно требователен... Ты отсутствовал долгое время. Очень многое изменилось.

- Пессимизм приближает катастрофу, и мы должны остерегаться его, как инфекции. Ученый обязан воспользоваться даже самым последним шансом. От смерти никто не убежит. Но надо быть готовым встретиться с ней лицом к лицу...

А вот мой отпрыск предпочел бы, чтобы она застала его в момент, когда он нацепил на себя шлем проектора сновидений, - горько произнес Ниг.

После этой беседы Ниг в течение нескольких дней не выходил из библиотеки, ознакомился с последними научными публикациями. Большинство разработок преследовало цели, продиктованные философией Великого Заката: сделать быт последнего поколения унетян как можно комфортабельнее и разнообразнее, не допустить дальнейшего падения уровня жизни из-за предельного истощения ресурсов планеты. Но Нигу попались и другие работы. Авторы их были по-настоящему встревожены торжеством последователей Мала и хотели спасти цивилизацию Унета.

Ниг часто стоял на берегу. Прикрыв глаза, вспоминал видеозаписи, которые смотрел на звездолете. Там море казалось красивее. Он поежился от холода. Соединив руки за спиной, стал прохаживаться у самой кромки воды. "Если бы сейчас удалось вернуть океану все взятые у него химические элементы, смогли бы мы вновь возродить жизнь в его глубинах?.. Да, мы должны это сделать. Если ресурсов больше нет на Унете, мы отыщем их на соседних планетах. Пусть не удастся найти новое жизненное пространство, можно еще возродить наш старый мир..."

Тем временем исследователи приступили в лабораториях Центра космоплавания к осмотру образцов, доставленных с Эрл. Когда очередь дошла до изваяний и их подвергли систематическому анализу, произошла сенсация: это были окаменелости органического происхождения! Более тщательное изучение позволило установить набор хромосом и сделать вывод о биологическом родстве обитателей Эрл и унетян.

Поэтому когда на очередном заседании Комиссии по водворению слушалось дело Фида, Ниг заявил о том, что ученый не ошибался в расчетах - на далекой планете действительно существовала жизнь. И возможно, она погибла совсем незадолго до прибытия экспедиции с Унета. "Что, если Кив сделался жертвой того самого грозного явления, из-за которого население Эрл обратилось в камень?" После долгих прений решение о водворении Фида было отложено до тех пор, пока не будет обследован труп погибшего космонавта.

Фид немедленно получил назначение в лабораторию, занимавшуюся исследованием окаменелостей. Он энергично взялся за дело. И уже через несколько дней руководимая им группа ученых добилась интересных результатов. Старый друг связался с Нигом и пригласил его зайти в лабораторию.

- Кажется, мы допустили одну весьма серьезную ошибку, - сказал Фид, едва космонавт появился в его владениях.

- А, значит, ты все еще надеешься выявить виновника неудачи экспедиции и засадить его в Приют? - саркастически заметил Ниг.

- Да, боюсь, что кому-то придется иметь дело с Комиссией. Но теперь речь не об этом. Сейчас мы постараемся определить, где была допущена ошибка, - сказал Фид и, обняв Нига за плечи, повел его в соседнее помещение.

Как только руководитель и его гость вошли, один из сотрудников доложил, что к опыту все готово. Фид вместе с Нигом приблизились к стойке с образцами и реактивами.

- Эта эмульсия - основа жизни на Эрл. Смесь, со держащая двадцать разновидностей аминокислот Мы превратим ее в камень.

- Зачем?

- Возникло одно предположение. Кажется, мы перестраховались и оберегали вас больше,

чем это было необходимо. Не погубили ли обитателей планеты Р-лучи, которые предназначались для защиты вас и корабля от биосферы Эрл?

- На нас ведь они не повлияли?

- Во-первых, вы были защищены от излучения, а во-вторых, учти разницу в строении своей клетки и клетки обитателя Эрл. У тебя двадцать семь аминокислот, у него двадцать... Готовы? - обратился он к коллегам.

- Готовы.

- Начнем.

Предположение Фида подтвердилось - после облучения эмульсия превратилась в камень.

Космонавт был подавлен. Ему стало не хватать воздуха, и он шагнул к выходу.

- Куда ты? - Фид бросился за другом.

- Столько жертв, столько трудов! - сдавленно произнес Ниг. - И все надежды погибли из-за какой-то мелочи...

- Это Лон виноват! - грозно проговорил Фид. - Его Р-лучам мы обязаны краху экспедиции. Ну ничего, он ответит нам за это.

- Постой, - с горькой усмешкой сказал Ниг. - Еще недавно ты сам чуть было не угодил в Приют. А теперь хочешь стать палачом другого ученого только потому, что он оказался менее удачлив, чем ты? Нам всем надо объединяться для спасения Унета, а не грызть друг другу глотки.

Когда Ниг вышел из Центра, был уже вечер, однако дневной зной еще не спал. Огромные куполообразные здания лабораторий тоже дышали жаром. Застоявшийся воздух сух, нигде нет спасения. Скорее домой, в комнату с наглухо закрытыми окнами, со слабо жужжащим кондиционером. "Надо снова лететь на Эрл! Правда, теперь экспедицию организовать сложнее - ресурсы Унета на пределе, да и общественное мнение относится к рекомендациям ученых уже не с тем вниманием..."

Когда Ниг пришел домой, семья ужинала. Расспросив жену о самочувствии, он сел возле своего столика, нажал комбинацию кнопок раздатчика и взял из открывшегося окошечка пакеты и тубы с провизией.

- Видно, работы много? - бросил первенец. - Что-то поздно вы стали приходить.

- Дел хватает.

- Есть новости?

- Есть... Мы были правы, готовя экспедицию на Эрл - там должна быть жизнь.

- Вот как?

- Да. И проблема переселения по-прежнему на повестке дня. Только для этого нужна решительная, готовая к борьбе молодежь. Ей продолжать цивилизацию Унета на новой планете.

- Интересно, где вы собираетесь набирать эту романтическую молодежь? саркастически заметил сын. - Вот уже десять лет не рождаются дети на этой проклятой планете.

- Не мы стояли у истоков прогресса. И остановить его не в наших силах. Такие, как ты, пессимисты и становятся на пути тех, кто борется за предотвращение катастрофы.

- Возможно, мы приближаем ее?

- Да. Можно сказать и так. Но время еще не потеряно. Надо отказаться от зловредной философии Мала, приняться за работу. Вырастить поколение, которое пронесет наследие нашей цивилизации через космические бездны и построит новый Унет... До катастрофы еще далеко. Если мы будем бороться, даже твои дети не станут ее свидетелями. Конец приближают излишняя паника, бездеятельность.

- Вы сами не уверены в своих словах.

Ниг понял, что продолжать разговор с сыном бесполезно. "Возможно ли найти

единомышленников в среде этих юнцов?" - подумал космонавт.

Через несколько дней после этого разговора Верховное собрание выслушало отчет медиков, исследовавших причины смерти Кива. По мнению врачей, участник экспедиции погиб из-за мощного воздействия на его мозг какого-то неведомого излучения. Однако влияние генератора Р-лучей исключалось, так как никаких следов повреждений в защитной оболочке космонавта не обнаружили. Руководитель лаборатории реанимации считал, что надо попытаться оживить Кива, хотя шансы на удачу были не так уж велики. Верховное собрание одобрило это предложение.

Ниг был приглашен в качестве консультанта. Психологи полагали, что обстановка, в которой будет происходить оживление, должна быть максимально приближена к той, что окружала Кива в момент гибели. Снимки и видеозаписи помогли создать макет местности - здесь были деревья, дувалы, даже арык с водой. Ниг показал место, где располагались окаменелости, привезенные им на корабле, - именно рядом с ними Кив рухнул замертво.

Когда все было готово, над макетом возвели купол, под ним предполагалось воссоздать атмосферу Эрл. Умершего космонавта поместили на ложе, оборудованное датчиками, подвели к различным частям тела провода, закрепили присоски вибраторов, над головой установили шлем - импульсный преобразователь. В первые часы операции оживления под куполом был создан вакуум. Только тогда, когда с помощью вибраторов и инфракрасного облучения температура тела была доведена до нормальной, насосы начали подавать газообразную смесь азота, кислорода, водорода и углекислоты. Теперь нужно было ждать несколько дней, когда можно будет начать воздействовать на сознание Кива посредством импульсного преобразователя.

Ниг волновался все это время, и врач, наблюдавший за состоянием его психики, снова потребовал, чтобы космонавт отправился отдохнуть к морю. "Вернетесь к моменту оживления и войдете в камеру. А пока постарайтесь забыть об операции".

Но ему не пришлось присутствовать в лаборатории в этот ответственный день. Неожиданная простуда - Ниг сильно переохладился во время подводной прогулки - надолго приковала его к постели. Когда же космонавт смог познакомиться с бюллетенем, посвященным операции, он был потрясен: реанимация удалась, но тяжелое психическое расстройство потребовало срочного помещения Кива в клинику.

Когда Ниг получил наконец разрешение врача вернуться к своим занятиям, он немедленно отправился в лабораторию и попросил отчет о завершающем этапе операции. Но руководитель предложил космонавту подождать, пока материалы будут доставлены из Центра лингвистики.

- Дело в том, что Кив после своего пробуждения заговорил на неведомом языке. Его слова были, разумеется, записаны, и теперь лингвисты ищут ключ к пониманию произнесенного им. Они утверждают, что им потребуется для этого не так уж много времени... Как бы то ни было, в конце концов мы будем иметь подробный отчет с переводом...

- Можно ли мне до тех пор увидеть Кива?

- Попробуйте поговорить с психиатрами. Но сомневаюсь, что они допустят вас к нему.

В клинике сообщили, что Кив находится в одиночной палате и к нему пока никто не входит - всякая встреча с унетянином сопровождается у него странной реакцией: космонавт бросается в угол, забивается под лежак и, закрыв голову руками, кричит на неизвестном науке языке.

Ниг ежедневно справлялся в лаборатории, не получен ли отчет, и все-таки для него было неожиданностью, когда однажды утром прожужжал зуммер почтопровода и из щели на приемный желоб шлепнулся пакет с символом Центра лингвистики - крестом, заключенным в круг. Ниг вскрыл его и, отложив в сторону пачку снимков, скрепленных скобкой, стал читать отчет. Пропустив подробные объяснения методологии операции, едва пробежав глазами описание всех ее этапов, космонавт с особым вниманием стал вчитываться в описание момента

пробуждения Кива.

"Девятый день. Пятый час. Вторая доля.

Импульсный преобразователь переведен на энергетический режим П.

Показания датчиков: усиление деятельности всех органов; отдельные участки мозга отзываются на импульсы преобразователя.

Девятый день. Пятый час. Третья доля.

Импульсный преобразователь функционирует в режиме М.

Показания датчиков: полное включение коры головного мозга.

Тело Кива приподнимается на стенде.

Система самоотключения электроники срабатывает - происходит отсоединение датчиков и проводов.

Кив встает, делает несколько шагов, осматривается.

Фонограмма: Аллах [выделенные слова не поддаются переводу (прим. Центра лингвистики)] милосердный, пять дней я тащился по пустыне, предвкушая отдых в кругу семьи. И что вижу: мой город поразила золотая немочь! Вот добрался до родного дома - и тут мертвое молчание. Да еще эти два шайтана со светящимися головами бродят по моему саду... Куда они провалились? Может, они привиделись мне? За что наказываешь, о всемогущий?

Кив подходит к окаменелостям. Хватается за ту из них, которая, по всей вероятности, была существом женского пола.

Фонограмма: Вай-вай, и ты, Махбуба, красавица моя, нашла свой конец в этом проклятом месте... А это кто еще? Хаким?! А, так вот зачем ты ходила в сад по ночам - ты миловалась с этим паршивым сыном ювелира! Горе мне, позор на мою седую голову...

Кив бьет себя руками по голове.

Фонограмма: ...Как я посмотрю в глаза баю?.. Э-э, что я мелю, старый хрыч... Где ты теперь будешь искать бая?

Руководитель операции опасается, что Кив может нанести себе повреждения - его мозг едва пробудился от небытия. Принимается решение войти в камеру и вывести Кива в подготовленную палату.

Когда трое сотрудников появляются в поле зрения Кива, он бросается от них и прячется за макетом глиняной стены. Речь его прерывиста, он возбужден в высшей степени.

Фонограмма: Опять шайтаны! О аллах, за что наказываешь меня?.. Только что их было двое, теперь откуда-то свалился третий... А-а-а, не подходите ко мне, служители бездны...

Кив неподвижно лежит возле макета. Сотрудники немедленно закрепляют на его теле датчики, чтобы определить, что с пациентом. Диагноз: глубокий шок.

Когда после соответствующего воздействия на сознание Кива психостимуляторов он приходит в себя, специалист констатирует полное нарушение функций психики. Параноидальное стремление скрыться от окружающих. При попытке установить с ним контакт впадает в транс. Крики; "Шайтан! Не мучь меня, владыка ада!"

Ниг отложил отчет. "Вот это сюрприз! Что же стряслось с беднягой? Впечатление такое, словно заговорило одно из наших изваяний..."

Космонавт вышел из дома и отправился в рощу, чтобы в одиночестве хорошенько обдумать происшедшее. "Что это за шайтаны, хотел бы я знать... Он явно имел в виду унетян. Но тогда какие двое шайтанов являлись ему перед смертью? Ведь он поминает их сразу после оживления. На Эрл он мог видеть только меня и себя... Вот так штука - выходит, Кив видел меня и себя со стороны. Глазами кого-то третьего... Полная неразбериха!"

Ниг вышел на поляну и присел на знакомый валун. Долго перебирал в уме всевозможные объяснения изложенного в отчете, но правдоподобного истолкования всего этого не находил.

Он собрался было идти за советом к Фиду, как вдруг его осенило. "А почему Кив бросился к этим окаменелостям? Он явно узнал их. Значит... Значит, Кив - это не Кив, а обитатель Эрл... Опять неразбериха. Единственное, что может прийти в голову... Произошел "обмен сознания" между Кивом и каким-то эрлянином. Надо пойти еще раз внимательно прочесть отчет".

Он вернулся домой и принялся снова изучать фонограммы: "Так. Он говорит о пяти днях. К моменту смерти Кива корабль пробыл на Эрл всего четыре часа по нашему времени. А по планетарному - прошло трое суток. Значит, эрлянин, если мое предположение об "обмене" верно, во время нашего приземления находился в трех днях пути от города. Синхронно с посадочными двигателями включился генератор Р-лучей. Зона его воздействия как раз должна покрыть весь городок и захватить его окрестности на три-четыре вира. Таким образом, приятель наших изваяний не попал под облучение и невредимым добрался к своей цели. Вот тут-то и появились мы с Кивом. Наши генераторы вырабатывали несравнимо меньшую дозу Р-радиации - даже простое укрытие могло спасти от них... Точно, вспоминаю. Неподалеку от взятых мной окаменелостей торчала третья - меня еще удивила нелепая поза изваяния. Может быть, с ним и "поменялся" Кив в момент своей смерти?"

Космонавт решил рассказать об этих умозаключениях Фиду. Пока он добирался до лаборатории, которой руководил друг, он еще больше утвердился в своем мнении. Ниг связал с катастрофой, происшедшей на Эрл, те галлюцинации, что преследовали его во время возвращения на Унет. Не хватало только нескольких звеньев, чтобы гипотеза выглядела стройно и доказательно.

Выслушав Нига, Фид заявил:

- Знаешь, мне тоже что-то подобное приходило в голову. По-видимому, действительно произошел своего рода съем информации. В момент облучения эрлянина возник чрезвычайно эффективный канал телепатической связи. И память воспринимающего энергетический заряд выстрелила в этот канал весь объем накопленных сведений. Можно уподобить этот процесс, хотя механизм его еще не ясен, стиранию магнитозаписи под воздействием случайно возникшего поля или аварийному сбросу информации из ячеек электронного мозга... Для того чтобы понять происшедшее, необходимо как следует изучить природу Р-лучей. Наша ошибка состояла в том, что мы вооружили вас ими, плохо исследовав эффекты облучения.

- Все то, что ты говоришь, выглядит правдоподобно. А что скажешь по поводу моих галлюцинаций? Или мертвый бомбардировал меня этой заимствованной памятью?.. Мне, признаться, источником видений представлялись окаменелости...

- Да, вопрос непрост. К сожалению, мы ничего не можем сказать о формах существования биоэнергетики жителей Эрл. Обладают ли они, подобно нам, телепатическими способностями? Могут ли создавать пеосферические поля? Может быть, под воздействием Р-облучения их сознание мутирует и приобретает новые возможности?

- Но не может же существовать сознание вне его биологического носителя, независимо от него.

- После гибели всей биоструктуры оно, естественно, функционировать не может. Но если биоструктура - в данном случае труп Кива законсервирована? Я допускаю, что отдельные эманации, прорывы психополя могут существовать... Все, что я говорю, лишь самая общая, ни к чему не обязывающая гипотеза. Я просто ищу вслух подходы к решению проблемы.

- Ну хорошо. А куда делась личность Кива? Неужели она целиком была вытеснена памятью эрлянина, загнана в подсознание?

- Не знаю, это предстоит выяснить. Могу даже предположить, что его психика стала психикой того разумного существа, которое наградило его своим сознанием.

- Ты хочешь сказать, что каменная статуя, оставшаяся на Эрл, теперь мыслит категориями

Кива? - усмехнулся Ниг. - Это уж совсем ни на что не похоже.

- Не доводи мою мысль до абсурда. Ничего подобного я измышлять не собираюсь. Хочу сказать только, что за какой-то миг до смерти эрлянина и Кива память того и другого устремились навстречу по каналу телепатической связи. Вот и все. А эманировать сознание Кива, оставшееся на Эрл, может точно так же, как эманировало сознание его контрагента во время полета к Унету. Ведь биоструктура не погибла - она законсервировалась, окаменела благодаря Р-облучению...

- Так, по-твоему, выходит, что...

- Ничего по-моему не выходит, - раздраженно прервал Фид. - Еще раз повторяю: я размышляю вслух...

Давран развернул телеграмму и прочел:

"Работы временно прекратить, просьба прибыть очередное заседание ученого совета. Мансуров".

- Что там? - встревоженно спросил Игитали-ака, выбравшись из раскопа. Вы так нахмурились: не случилось ли чего с родными?

- Нет. Это касается наших изысканий. - Давран протянул ему телеграмму.

- Да-а, новости, - промолвил Игитали-ака, пробежав глазами текст. - Это подпись Нияза?

- Нет, его дяди. Он занимает пост заместителя директора института.

- Значит, племянничек что-то наплел про Язьяван.

- Не думаю. Скорее дядюшка сам что-то замыслил. Так или иначе придется ехать.

- А нам ждать вашего возвращения и сидеть сложа руки?

- Ну нет. После вчерашней находки будет преступлением потерять хотя бы день. Я каждый вечер буду звонить в правление колхоза, часов этак в восемь. Приходите туда в это время и докладывайте мне о результатах раскопок. Оставляю вас вместо себя руководить экспедицией.

- А статую повезете с собой?

- Обязательно. Распорядитесь, чтобы рабочие сколотили крепкий ящик. Кого-нибудь пошлите на хлопковый завод - надо достать побольше волокна, чтобы обложить изваяние - не дай бог, повредим при перевозке... А теперь, Игитали-ака, я пошел собираться.

Вечером в вагоне поезда Давран стал набрасывать конспект речи, с которой собирался выступить перед ученым советом. "Сообщение о находке надо будет сделать в самом начале, чтобы не дать демагогу Мансурову и его подголоскам настроить коллег против меня. А потом предложу свою гипотезу относительно происхождения статуи и того скульптурного изображения руки, которое мы обнаружили еще при Бекмирзаеве".

На следующее утро, проследив за выгрузкой ящика с язьяванской находкой на товарном дворе станции, Давран вышел на улицу, поймал такси и отправился в институт, Необходимо было уточнить время предстоящего заседания, разузнать, что готовят противники Асада Бекмирзаевича.

"Предание не так уж фантастично. Ясно, что многое - плод воображения, но реальная подоснова легенды существует. Святую ночь, впрочем, тоже приплели впоследствии - видимо, двадцать седьмое число рамазана связывалось в старину с каким-то религиозным событием. Надо будет выяснить это... Мне, во всяком случае, повезло больше других - две "святые ночи" подряд". Но потом ему пришло в голову, что галлюцинации посещали не только его. "Как объяснить такую текучесть среди рабочих экспедиции? Четверо уволилось при Асаде Бекмирзаевиче, на днях - еще двое. И все при этом держали себя как-то странно, сбивчиво объясняли мотивы ухода..."

В мраморном вестибюле института было прохладно. Шум уличного движения едва проникал сюда и не мешал дремать вахтеру. Давран дотронулся до его плеча. Старик

встрепенулся, открыл глаза и удивленно воскликнул:

- Давран Махмудович! Сколько лет, сколько зим! Видно, все время пропадаете в экспедициях - вон как загорели.

- Да, Ахмед Гафурович, копаемся как кроты... Что новенького здесь?

- Пусто. Полевой сезон - почти все в отъезде. Вот только завтра соберутся на ученый совет. Вы, никак, тоже с этой целью прибыли?

- Когда собираются?

- В двенадцать, как обычно.

Давран хотел было повернуться и выйти на улицу, как вдруг услышал знакомый голос:

- Товарищ Хасанов!

Он поднял голову и на самом верху марша парадной мраморной лестницы увидел дядю Нияза. Тот широко улыбался и как-то заговорщически махал ему рукой.

- А ну поднимайтесь, дорогой, сюда. По вас все так соскучились.

Давран через силу улыбнулся и взбежал по ступенькам. Пожал протянутую ему руку.

- Пойдемте потолкуем ко мне в кабинет, - сказал Мансуров, мягко взяв аспиранта за локоть.

Когда они уселись в кожаные кресла возле шахматного столика, заместитель директора института заговорил, все так же улыбаясь:

- Милый Давран! Позвольте мне как старшему называть вас по имени. Вы, конечно, знаете, что я очень уважал покойного коллегу Бекмирзаева. Это был человек редкостно одаренный. И я был просто счастлив, что дело моего друга хотите продолжить вы, талантливый молодой ученый. Однако...

Давран внутренне напрягся. "Вот оно, из-за чего меня вызвали..."

- Вы прекрасно знаете, что работа института подчинена определенному плану. В соответствии с ним выделяются и средства, и хотя работы в Язъяване не планировались на ближайшие годы, я поддержал Асада Бекмирзаевича, уговорил товарищей, от которых зависела судьба экспедиции... Но теперь мне самому приходится поднимать вопрос о временном прекращении раскопок. Повторяю - временном...

- Но позвольте, уважаемый Эмин Мансурович... - попытался прервать его Давран.

- Не позволю, дорогой Давран. Выслушайте сначала меня. Завтра речь пойдет о нуждах экспедиции в Пскенте. Работы там ведутся большие, с размахом. Результаты, правда, еще не очень значительны. Но все зависит от энергичности руководителя. Вот этим-то качеством прежний начальник партии и не отличался. - Мансуров сделал многозначительную паузу и торжественно продолжал: - Я намерен предложить на его место вас, дорогой Давран...

"Неужели он думает, что я так глуп и меня легко соблазнить должностью начальника крупной экспедиции? Дело нечисто. Он явно хотел бы убрать меня из Язъявана, а через некоторое время возобновить там работы под началом своего человека. Он наверняка понимает: раскопки, начатые Асадом Бекмирзаевичем, перспективны... Старый лис хорошо знает, что у Бекмирзаева был настоящий нюх археолога: где бы он ни начинал копать, делались крупные находки. Теперь он решил перехватить славу открытия покойного..."

- Но ведь в Язъяване обнаружены интересные вещи. Например, кисть руки, принадлежавшая какому-то изваянию...

- Это ничего не значит. Давайте лучше думать о том, чтобы как следует провести раскопки в Пскенте.

- Нет, я буду просить завтра о выделении средств для продолжения работ в Язъяване, - твердо сказал Давран.

- Что ж, вольному воля, - сухо заметил Мансуров и поднялся с кресла, давая этим понять, что разговор окончен.

"Посмотрим, как ты запоешь, когда я выложу главный свой козырь", усмехнулся аспирант, покидая кабинет.

После того как было доказано, что на далекой планете существует жизнь, Верховное собрание несколько раз обсуждало доклады ученых, предлагавших возобновить программу исследования Эрл, которая оказалась похоронена после неудачного полета первой группы космонавтов.

К удивлению Нига - а он был уверен, что предложения специалистов одобряют в первом же голосовании, - в высшем законодательном органе Унета нашлось очень много убежденных противников "космической авантюры" - так они называли идею переселения на другие планеты. Их не интересовали никакие выкладки Фида и его сотрудников.

- Цикл развития нашей цивилизации завершен, я искусственные попытки продлить ее жизнь в иных мирах продлят только агонию культуры, давно изжившей себя, - говорили члены Верховного собрания, исповедовавшие философию Великого Заката.

- Чем будут жить переселенцы?! - демагогически восклицал один из жрецов - стихотворец Пим. - Они будут питаться крохами с богатого стола нашей многовековой литературы, будут подражать высшим достижениям искусства Унета. То, что многие поколения выработали ценой долгой борьбы, сложилось в стройное нерасчленимое здание, вершиной которого стало наше миросозерцание. Попробуйте прилепить к нему что-нибудь сверх того - это будет уродливое зрелище, оскорбляющее душу истинного сына нашей старой планеты, ее великой культуры.

- Вы просто жалкий эстет! - в запале выкрикнул Ниг. - Речь идет о спасении самой жизни, а не о тех красотках, которыми переполнены ваши сочинения. Вы певец смерти! Услаждайте подобными баснями ваших истеричных поклонников, а эту высокую трибуну освободите для людей дела!

Когда Верховное собрание все-таки проголосовало за продолжение космических изысканий, Ниг и его друзья чувствовали себя измученными: каждый выступал по нескольку раз. Однако теперь им было не до отдыха. Уже завтра после решающего заседания Фид и Ниг отправились на предприятия, изготавливавшие прежде агрегаты космических кораблей и необходимую аппаратуру.

Результаты первой инспекционной поездки оказались плачевными. Большинство оборудования и станков, необходимых для создания звездолетов, либо безнадежно устарело, либо было демонтировано. Кадры, нужные для успеха программы, распыленные по самым различным производствам, также не совсем отвечали уровню требований Комитета по полетам (так наименовали новое научное объединение). Правда, техническая документация и архивы, относящиеся к подготовке первой экспедиции, были в целостности и сохранности теперь все это свезли в обшарпанный двадцатиэтажный офис, доставшийся Комитету в наследство от упраздненной Лиги Чадолубия. Целых десять лет здание простояло необитаемым, и теперь сотрудникам Фида предстояло привести заветшавшие кабинеты в порядок.

Электронный мозг, некогда обслуживавший полет к Эрл, также перевезли на новое место. Образцы пород, окаменелости, пробы атмосферного воздуха с Эрл разместились в лабораториях Комитета. Постепенно налаживалась работа многочисленных отделов, занимавшихся вопросами жизнеобеспечения космонавтов, разработкой разговорника, - предполагалось, что на этот раз посланцы Унета смогут вступить в контакт с жителями планеты. Параллельно продолжались попытки восстановить психическое здоровье Кива - если бы ученым удалось заставить нормально функционировать сознание обитателя Эрл, многие проблемы общения с инопланетной цивилизацией были бы решены еще до полета. Безумному космонавту отвели звуконепроницаемые апартаменты на верхнем этаже; мощные аппараты психотерапии день и ночь создавали в помещении "поле спокойствия".

Постепенно втянувшись в работу, Ниг посвежел: его больше не беспокоили последствия стрессов, перенесенных на корабле. Размеренный образ жизни, рациональное питание, ежедневные получасовые посещения "камеры горного воздуха" - все это позволяло ему надеяться, что его и на этот раз включат в состав экспедиции. Время, казалось, работало на него и его друзей...

Однажды ночью космонавт пробудился от страшного грохота. Он сорвал с головы шлем проектора сновидений и сел на ложе. За окном едва забрезжил рассвет, все четыре спутника Унета сияли над угловатыми силуэтами небоскребов. Сам не зная зачем, Ниг стал одеваться. В спальню заглянул сын. Лицо его было встревожено.

- Что случилось, отец? Судя по всему, это был какой-то взрыв. Причем, если не ошибаюсь, в той стороне, где находится ваш Комитет.

- Сейчас отправляюсь туда и все разуюзнаю... - бросил Ниг.

Он не успел даже договорить - возле подъемника послышались шаги, негромкие голоса.

- Ниг, по постановлению Чрезвычайного совета Верховного собрания мы должны доставить вас в Приют, - входя в комнату, проговорил молодой чиновник в желтой форменной шапочке. За его спиной теснились еще несколько служащих в таких же головных уборах.

- Я не понимаю вас... И почему среди ночи...

- Выполняйте постановление! - Чиновник протянул Нигу металлическую карточку, удостоверяющую его полномочия.

В Приюте, когда туда прибыл Ниг, было не повернуться - повсюду; на полу, на лежаках, на скамьях вдоль стен - сидели только что доставленные сюда сотрудники Комитета по полетам. Увидев Фида, космонавт протиснулся к нему.

- В чем дело? Ты что-нибудь понимаешь?..

Вместо ответа Фид указал другу на окно.

- Посмотри туда. Видишь зарево? Это горят руины Комитета. Они взорвали его.

- Кто они?!

- В полночь Пим и его приспешники захватили Верховное собрание, а затем объявили, что этот шут, этот виршеплет назначается диктатором. Потом уничтожили Комитет, а всех нас, как угрожающих безопасности Унета, свезли сюда...

- Надо бороться, - гневно произнес Ниг.

Давран не предупредил о своем приезде, поэтому на станции его никто не встречал. Солнце только поднялось из-за окоема, длинные тени деревьев лежали на дороге, по которой шел молодой археолог. До раскопок было километров восемь, но Давран не стал ждать попутную машину: он любил прогуляться по утреннему холодку. В руке у него болтался старый потертый портфель - в одном из его отделений холостяцкий набор: полотенце, мыльница, зубная щетка, бритва. В другом - тоненькая папка с тесемками, в ней лежали всего три машинописных листка. Ясно, что с подобным багажом путь до лагеря экспедиции показался не в тягость аспиранту.

Когда Давран свернул с обсаженного тополями шоссе на проселок, ведущий в сторону раскопок, он заметил впереди себя знакомую коренастую фигуру. Игитали-ака шагал совсем неподалеку от палаток. Молодой человек остановился и, сложив ладони у рта, крикнул:

- Э-э-э, товарищ начальник!

Игитали-ака повернулся и радостно замахал рукой. Потом ходко направился навстречу Даврану.

- Полная победа! - звонко воскликнул археолог, когда их разделяли каких-то двадцать метров. На ходу расстегнув портфель, он выхватил из него папку, дернул тесемку и достал верхний листок.

Забыв даже поздороваться, Игитали-ака схватил бумагу и прочел то место, на которое

указал Давран:

"...По докладу тов. Хасанова ученый совет постановляет:

Максимально расширить размах работ в Язъяване, сохранив общее руководство раскопками за тов. Хасановым..."

- Я прихлопнул их одним ударом, - радостно улыбаясь, объявил археолог. - Когда рабочие разбили ящик и все увидели статую, Максудов тут же собрал свои бумаги и сел на место. Немедленно решили выделить дополнительные средства...

- А почему вы не звонили, дорогой Давран Махмудович? Оба вечера я приходил в правление, как условились, в восемь...

- Совсем закрутился, Игитали-ака. А что, если новости?

- Сейчас увидите, - лаконично ответил тот.

Через несколько минут они поднялись за холм, где производились раскопки. Давран глянул вниз и зажмурился: в лучах восходящего солнца золотым огнем горели крыши нескольких домов, на раскопанной улице поднимался целый лес золотых статуй...

Пер. с узб. - С.Плеханов.

Сб. "Звездная гавань". М., "Молодая гвардия", 1981.